

Петербург Анны Ахматовой

Окончание. Начало в "РМ" №4182.

Вспоминает Ахматова военную прокуратуру рядом со знаменитым магазином "Смерть мужьям", то есть в начале Невского проспекта. После третьего ареста сына в 1949 году она ходила в прокуратуру, многие годы располагавшуюся в доме на углу Литейного проспекта и улицы Белинского.

В 1937 году было написано стихотворение "Немного географии": "Не столицей европейской / С первым призом за красоту. / Душной ссылкой енисейской / Пересадкою на Читу, / На Ишим, на Иргиз безводный, / На прославленный Атбасар, / Пересылкою в лагерь Свободный, / В трупный запах прогнивших нар, / Показался мне город злот..." Страшный образ города-пересылки с прогнившими нарами и трупным запахом. С прискорбьем надо сказать, что у нее было достаточно оснований для такого взгляда на город. Если мы знаем, сколько было расстреляно в городе (для сравнения: за это же время в Москве убито 25 тысяч человек, тогда как Москва по населению вдвое больше), то общего числа арестованных и отправленных в ГУЛАГ, в ссылку мы так до сих пор не знаем. В стихотворении Ахматовой поражает ее осведомленность. Ведь говорить на такие темы боялись, и сведения были крайне скудны. У нее были все основания утверждать: "Я была тогда с моим народом / Там, где мой народ, к несчастью, был".

Разделила она страдания города и во время войны — застала бомбежки, обстрелы, голод. О разрыве летящего снаряда она напишет: "А этот был как пекло сух, / И не хотел смятенный слух / Поверить — по тому, / Как расширился он и рос, / Как равнодушно гибель нес / Ребенку моему". Об самой большой и страшной боли — о гибели ленинградских детей — пишет она, об оставшихся без родителей малышах — "питерские сироты, детоньки мои". Она видела забытые фанерой или досками большие витрины, белые бумажные кресты, наклеенные на оконные стекла (чтобы при бомбежке не было мелких осколков, но — не защитило). "И стоит мой город зашитый..." В конце сентября она улетает на Большую Землю. "А не ставший моей могилой, / Ты,

крамольный,
опальный, милый
/ Побледнел, по-
мертвел, затих. /
...Мне казалось,
за мной ты гнал-
ся. / Ты, что там
погибать остался
/ В блеске шпилей,
в отблеске вод..."

Когда пришла
весть о снятии
блокады — "Пос-
леднюю и выс-
шую награду — /
Мое молчанье —
отдаю / Велико-
мученику Ленин-
граду". Эти строки
написаны в Ташкенте.
Через несколько
месяцев она вернулась
в Ленинград: "Еще на
всем печатях лежала /
Великих бед, недавних
гроз. / А я своей
город увидала /
Сквозь радугу послед-
них слез". Под впечат-
лением увиденного она
написала очерк "После-
блокадный Ленинград".
Но, к сожалению, вме-
сте с другими рукописями
его уничтожила. Сохрани-
лось несколько строчек:
"...это был страшный
город, покрытый толстым
слоем битого стекла. Его
убирали, но его было
столько, что все равно
ходили по стеклу..."

Более двадцати лет с той поры прожила Ахматова. Почти пятнадцать из них в условиях жесточайшей травли, слежки, доносов после постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года. Главными жертвами стали Ахматова и Зощенко. Ахматова справедливо рассматривала это постановление как очередное гонение на ленинградскую культуру. Сама она была в течение многих лет объектом повседневной наружной слежки. Уже в 60-х годах, оказавшись рядом с Фонтанным Домом, она показала своему спутнику спуск к воде и сказала, что как только она появлялась на набережной, ожидавший ее человек поднимался и шел за ней. Когда ее собеседник спросил, откуда у нее уверенность, что следили и шли именно за ней, она лишь горько улыбнулась и сказала: "Если за вами пойдут, вы не ошибетесь".

Естественно, что круг ее общений предельно сузился. Старыми верными друзьями были Томашевские. С Борисом Викторовичем — ученым-литературоведом и его женой художницей Ириной Николаевной — связывала многолетняя близкая дружба. Дружила она с Л.Я.Гинзбург, которая в своих записках упоминает Ахматову еще в начале 20-х. С Лозинским она, к сожалению, из-за его тяжелой болезни виделась редко, но до самой его смерти в 1955 году оставалась его другом. В эвакуации она



А.Коноплев. Фонтанный дом. Фотомонтаж.

подружилась с ученым и поэтом В.Г.Адмони и его женой Т.Сильман. Эта дружба продолжалась в черные годы травли. В 1938 году началась дружба с Л.К.Чуковской. Но в послевоенные годы они общались преимущественно в Москве, так как Лидию Корнеевну не пустили жить в Ленинград.

Многие годы Ахматова жила буквально впроголодь. Трогательное внимание и забота о ее повседневной жизни проявляла О.Берггольц. Но назвать ее близким другом Ахматовой я бы не решилась. Новые знакомства появились у нее в начале 50-х, когда она взялась за переводы восточной поэзии. Она подружилась с поэтом-китаистом Александром Гитовичем и его женой, познакомилась с известными востоковедами Холодовичем и Панкратовым.

Последние годы жизни Ахматовой скрасили пришедшие к ней молодые поэты. Это было на рубеже 60-х годов. Результатом хрущевской оттепели была не только массовая реабилитация сталинских жертв, но и изрядные идеологические послабления. Звучали в литературе и особенно в поэзии новые голоса. Естественно, что в Ленинграде эти талантливые молодые поэты тянулись к Ахматовой. Л.Я.Гинзбург привела к Ахматовой 23-летнего А.Кушнера. Немного позже частыми посетителями Ахматовой стали Е.Рейн, Д.Бобышев, А.Найман. В 1961 году Рейн привел к Ахматовой 20-летнего Бродского. Н.Я.Мандельштам писала, что, лишенная возможности общения с поколением "детей", Ахматова радостно общалась с поколением "внуков". Они читали ей свои стихи, она делилась своими. Много здоровья стоили Ахматовой травля, суд и ссылка Бродского.

Через несколько десятилетий из многу перечисленных поэтов только Кушнер останется в Петербурге.

Но в начале 60-х литературно-общественная жизнь города своим характером резко отличалась от московской. Там стихи читались на стадионах и площадях, здесь — в закрытых НИИ. Да и суд в Москве над Бродским был бы невозможен. Там, в Москве, стихи довольно широко публиковались, здесь больше ходили по рукам. Город в глазах властей оставался, как писала Ахматова, крамольным и опальным.

В современном Петербурге работают два музея А.Ахматовой — государственный в Фонтанном Доме и Народный на далекой окраине за Нарвской заставой. На Фонтанном Доме установлена мемориальная доска. На закладном камне будущего памятника жертвам репрессий высечены ее слова: "Хотелось бы всех поименно называть".

В рукописном отделе Национальной библиотеки хранится фонд А.Ахматовой. Главное — остались ее стихи, создавшие многоликий образ ахматовского Петербурга.

Ахматова любила говорить, что она как петербургская тумба. Эти тумбы — свидетели прошлой и современной жизни города, его неотъемлемая деталь. Извлечь их из петербургской почвы невозможно. Они в нее росли. Как и Анна Ахматова.

Санкт-Петербург

Русская мысль. - Париж. - 1994. - 31 июня. - С. 256. - с. 10-11.